

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. Б. РАНОВИЧ, *Эллинизм и его историческая роль*, изд. АН СССР, М.—Л., 1950, 381 стр., тираж 10 000 экз., цена 20 руб.

Труд покойного А. Б. Рановича «Эллинизм и его историческая роль» должен занять в нашей литературе по истории древнего мира совершенно особое место. Это место обуславливается не только выдающимися достоинствами этого труда, но и тем, что он является первым систематическим и оригинальным изложением истории эллинизма на русском языке. Это утверждение никоим образом не означает, что русских ученых не интересовала история эллинистической эпохи. Наоборот, их интересы сравнительно очень рано обратились к этой области, и, не говоря о более ранних работах, уже в 1869 г. появилась книга В. Г. Васильевского «Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка», замечательная по теме, способу ее разработки и по богатству содержания. К концу XIX— началу XX в. относятся многочисленные работы Ф. Ф. Соколова, А. В. Никитского, Шукарева, С. А. Жебелева и др. и в особенности исследования М. М. Хвостова по экономической истории Египта. История эллинизма вызывала и вызывает большой интерес у советских исследователей (акад. В. В. Струве, Е. Г. Кагаров, акад. С. А. Жебелев, С. И. Ковалев и др.). Но все же до сих пор и в советской литературе отсутствовал труд, подобный рецензируемой книге по замыслу, обилию содержания и методу исследования¹.

В своем интересном письме, написанном незадолго до смерти, автор писал: «Моя монография — не учебник, не курс истории, не справочник и не „история эллинизма“. Я не ставил себе задачи дать систематическое, полное изложение политической, экономической и культурной истории эллинизма. Моя задача была иная — исследовать закономерности истории эллинизма, определить место и значение эллинизма в истории античного рабовладельческого общества, включить эллинизм в общий закономерный процесс исторического развития народов древности. В этом смысле моя монография — труд столько же философского, сколько исторического характера» (см. рецензируемую книгу, стр. 6). Как видно из приведенных слов, перед нами не историческое «руководство», но своего рода «философия» истории эллинизма; автор стремится выяснить сущность и основные черты процесса исторического развития рабовладельческого общества в рассматриваемую эпоху. Такая постановка вопроса еще более повышает интерес к книге А. Б. Рановича и в то же время заставляет читателя отказаться от тех требований к ней, которые было бы уместно предъявить, если бы мы имели дело с систематическим пособием, — требования полноты и равномерности изложения. Поэтому автор имел известное основание высказать пожелание, чтобы его книгу критиковали «не с точки зрения того, чего в ней нет, а с точки зрения того, что в ней есть, что она может дать нашей науке, нашему народу» (стр. 7). Выполняя это пожелание, рассмотрим, по какому пути ведет автор читателя через запутанный лабиринт событий, который представляет собою история эллинизма.

¹ Книга С. А. Жебелева «История Греции, ч. II, Эллинизм», представляет собой лишь краткое введение, книга С. И. Ковалева «История античного общества, ч. II, — Эллинизм», является популярным учебным пособием, притом обе книги в настоящее время во многом устарели.

Естественно, что прежде всего встает вопрос о том, что такое эллинизм, как он возник, каковы главные моменты в его развитии? Автор, как и можно было ожидать, дает ответ, вовсе не похожий на то, что мы находим в буржуазной историографии: он определяет эллинизм не как явление в истории культуры, не как распространение греческой культуры на восток, но как «определенный этап в развитии рабовладельческого общества». Впервые определение эллинизма, как «определенного этапа общественного развития», было дано В. С. Сергеевым¹, но понятно, что в рамках учебника оно не могло получить досточного развития. В рецензируемом труде вся первая глава «Основные проблемы истории эллинизма» посвящена выяснению понятия «эллинизм». В главных чертах концепция автора сводится к следующему. Эллинизм, как сказано, является определенным этапом в истории античного рабовладельческого общества. Этот этап представляет собою необходимый результат всего предшествующего развития, коренится в основных противоречиях рабовладельческого строя древней Греции. Задача исследования заключается в том, чтобы установить изменения, которые произошли в области экономики, социальных отношений, политики и культуры. Эти изменения были обусловлены ограниченными рамками развития рабовладельческого общества: применение рабского труда ставит предел этому развитию, так как вызывает презрение к труду и делает невозможным технический прогресс. Это приводит к торговому кризису, выходом из которого может быть только экстенсивное расширение рынка. На путь экстенсивного развития толкает также разложение рабовладельческого класса, обострение борьбы между богатыми и бедными. Все это дает объяснение экономическому, политическому и культурному кризису, развивавшемуся в греческих полисах и являвшемуся признаком того, что «рабовладельческое общество в Греции IV в. дошло до предела своего возможного развития...». Временным выходом и должно было стать создание более обширного единства. Завоевания Александра Македонского открыли широкий простор для торговли (стр. 25). Развивается процесс нивелирования, сглаживания различий. Эллинизм приводит к смешению «народов, обычаев, законов». Производительные силы растут, наблюдается расширение связей, развивается более сложная система общественного разделения труда. Происходит разложение старого общинного уклада, усиление товарности, распространение на Востоке городского строительства и городского строя, рост рабства и денежных отношений. В политической сфере следует отметить возникновение новых форм государства, приходящих на смену отживающему полису. Наконец, эллинизм создал культуру, которая представляла совершенно новое явление и надолго пережила те условия, которые вызвали ее к жизни. Политику отдельных правителей — Александра, диадохов, Селевкидов, Птолемеев и т. д. — надо рассматривать как обусловленную объективной действительностью, а не как выражение субъективных стремлений.

Надежды представителей имущих слоев в Греции на смягчение социальных противоречий не осуществились: классовая борьба в III—I вв. до н. э. усиливается и приводит к массовым народным движениям. Хозяйственный и политический подъем имел лишь временный характер: сравнительно скоро начинается неизбежный упадок, приводящий в конечном счете к римскому завоеванию. Эллинизм ни в одной области не мог довести до конца то, что им было намечено, и в этом отношении носит отпечаток чего-то промежуточного, незаконченного. Автор книги признает прогрессивный характер эллинизма, но лишь в том смысле, что эллинизм содействовал возможному переходу рабовладельческого общества на такую стадию, когда становится возможным переход к более высокой социально-экономической формации» (стр. 34). Изучение истории эллинизма вскрывает закономерности развития античного рабовладельческого общества. Такова в общих чертах концепция автора. Ее развитию и доказательству посвящены остальные главы его труда.

Эти главы идут в следующем порядке: гл. II — «Александр Македонский», гл. III — «Войны диадохов и возникновение эллинистических государств», гл. IV —

¹ В. С. Сергеев, История древней Греции, 1939, стр. 305.

«Царство Селевкидов», гл. V — «Эллинистический Египет», гл. «VI — «Македония и Греция», гл. VII — «Эллинистическая культура». В кратком заключении еще раз резюмируются общие выводы.

Книга А. Б. Рановича содержит богатый и разнообразный материал. В ней снова проявилась та черта автора как исследователя, которую приходилось отмечать и при разборе его предшествующего труда «Восточные провинции Римской империи»: соединение стремления к широкому историческому обобщению, к установлению определяющих моментов в ходе развития общества с привлечением огромного конкретного материала, с самостоятельным, основанным на изучении разнообразных источников суждением по самым детальным вопросам. В своей концепции истории эллинизма А. Б. Ранович не только исходит из высказываний Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, удачно используя их при изучении конкретного материала (ср., например, стр. 24, 37, 109, 145, 192, 198 и пр.), но, что самое главное, разрабатывает этот материал, постоянно применяя историческую методологию марксизма-ленинизма. Можно утверждать, что перед нами вообще первый опыт дать обобщение истории эллинизма с марксистских позиций, первая попытка проследить ход этой истории в связи с развитием рабовладельческого общества, и в этом следует усматривать большое значение рецензируемой книги, какие бы возражения ни вызывали те или иные положения автора.

Это значение станет еще более ясным, если мы вспомним о многочисленных затруднениях, которые стояли в этом отношении на пути исследователя, как, например, большая неравномерность данных источников. Эти данные иногда до мельчайших деталей освещают некоторые вопросы административной практики, хозяйственного быта, культурного состояния и вместе с тем оставляют без ответа ряд других не менее важных вопросов. С другой стороны, данные распределяются совершенно неравномерно и в отношении эллинистических территорий: в то время как для Египта имеется богатейший запас папирологических сведений, в истории царства Селевкидов зияют огромные лакуны. Для того, чтобы набросать яркую и сколько-нибудь убедительную картину общего хода развития эллинизма, представлявшего собою «всемирную» историю того времени, нужно быть крупным специалистом в самых различных областях исторического исследования; таким специалистом и был покойный автор разбираемой работы. Стройная, подкрепленная обширным историческим материалом концепция автора, острая критика построений представителей буржуазной историографии (см., например, стр. 11 сл., 50, 109 и т. д.), местами живые описания, ясное изложение, — все это заставляет читателя внимательно следить за ходом мысли автора, многократно повторяющего свои основные выводы. Книга читается с начала до конца с неослабевающим интересом. В ней больше цельности, чем в упомянутой выше другой работе того же автора — «Восточные провинции Римской империи»; отдельные ее части теснее связаны друг с другом.

Изложение охватывает различные стороны исторического процесса. Естественно, что главное внимание уделяется изменениям в социально-экономических отношениях. Не раз приводятся ценные и еще не использованные в нашей литературе данные о применении рабского труда, например, о храмовых рабах в Малой Азии (стр. 160 сл.). А. Б. Ранович справедливо возражает против преуменьшения роли рабства в птолемеевском Египте (стр. 204 сл.) и против недооценки различных своеобразных форм рабства (стр. 206). Можно было бы прибавить, что этому важному вопросу о формах рабства (не только по отношению к эллинистической эпохе) в науке вообще не уделялось еще того внимания, которого он заслуживает. Очень интересны также приводимые в книге сведения о положении земледельческого населения; соответствующие страницы главы о Селевкидах содержат глубокую критику обычного в западной литературе представления о крепостнических отношениях. Путем детального анализа соответствующих эпиграфических памятников автор убедительно показывает необоснованность этих представлений и приходит к важному общему выводу о переходе от восточных аграрных отношений к античным. Много верно сказано автором и о распространении на Востоке городского строя, о синокизмах и градостроительстве, о поли-

тике правителей, начиная с Александра, по отношению к городам (стр. 49 сл., 97 сл., 180 и др.). Сравнительно полно излагается и политическая история крупных эллинистических государств Селевкидов и Птолемеев, менее подробно освещены судьбы Македонии и больших греческих союзов (Этолийского и Ахейского).

Последняя глава представляет весьма интересный очерк эллинистической культуры, достоинством которого является то, что он тесно связан с содержанием остальных глав. А. Б. Ранович и здесь стремится проследить некоторые общие черты эллинистического времени, ту общую закономерность, которая была установлена им в области социального и экономического развития. Автор дает обстоятельную характеристику эллинистической философии и религии. Особенно подробно излагаются учения эпикурейцев и стоиков. С большим интересом читаются страницы, посвященные культумам божеств, пользовавшимся широкой популярностью в эпоху эллинизма (Исиды, Сарapisа). Автор отмечает новые черты эллинистической религии, в которой синкретизм проявился необычайно сильно, и связывает эти черты с изменившейся политической и экономической обстановкой. «Растерявшийся в хаосе событий, над которыми он больше не властен, страдающий от обострившейся классовой борьбы, войн и разорения, эллинистический человек ищет прибежища в общении с божеством, чтобы в религиозном экстазе, в торжественном ритуале танцев найти отдохновение от житейских бурь, утешение в сознании, что, лишившись опоры на земле, он может обрести нерушимое блаженство в ином мире, на лоне божества» (стр. 327). Несмотря на понятную сжатость изложения, обусловленную широкими рамками исследования, автор все же нашел возможным в некоторых главах остановиться и на характеристике состояния источников (см. стр. 80, 113, 168 и др.), которое объясняет, конечно, отчасти и неравномерность изложения.

Помимо указанных общих достоинств труда А. Б. Рановича, нельзя не указать на отдельные особенно удачные моменты в разработке проблем истории эллинизма. К ним, например, принадлежат следующие: выяснение последствий завоеваний Александра (стр. 76 сл.), указания на значение Эллады как центра коммуникаций (стр. 90), на односторонность изображения периода борьбы диадохов в литературных источниках (стр. 96), характеристика политики Рима в Греции в начале II в. до н. э. (стр. 124, 262 сл.) и многие другие.

Было бы, однако, неправильно думать, что автор окончательно разрешил стоявшие перед ним исключительно сложные задачи и что его утверждения не вызывают сомнений. «Эллинизм и его историческая роль» — ценная, но в сущности лишь первая и во многом спорная попытка разрешить эти задачи. Не удивительно, что автору не удалось при этом преодолеть многие затруднения. «Эллинизм — этап в истории античного рабовладельческого общества», — пишет он, и едва ли можно возражать против этого. Но ведь, принимая такое определение, мы должны не только отметить некоторые общие черты, характеризующие данный этап и присущие в то же время и другим периодам, но и установить специфические особенности тех изменений, которые произошли в обществе и которые могут нам объяснить конкретные явления жизни рассматриваемого периода. Между тем у автора нередко больше выдвигаются некоторые чересчур общие положения. «Временный значительный подъем производительных сил, укрепление позиций рабовладельческого класса, затем новый кризис всей системы, углубление классовых противоречий, падение производительных сил и, наконец, утрата политической независимости, — таков был исторический неизбежный процесс возникновения и падения эллинистического мира», — утверждает автор (стр. 231), усматривая в этом единую линию общей исторической закономерности. Но в этой формулировке нельзя отметить что-либо характеризующее именно эллинизм: с равным правом она может быть приложена, например, и к классической эпохе. Характеристика государства Птолемеев, как планомерно организованной системы угнетения трудящегося населения, «которая вела к углублению и обострению классовых противоречий, присущих рабовладельческому обществу» (стр. 190), может быть применена и к царству Селевкидов, и к Пергаму, и к Риму. Стремление к общим формулировкам приводит, с одной стороны, к повторениям (см. стр. 105 и 154, 97 и 106 и т. п.), с другой — к недостаточному различению «специфических особенностей», к некоторого рода — «уравни-

ловке». Диадокси, например, не только не выступают перед читателем, как исторические деятели с ярко выраженной индивидуальностью, какими они были в действительности, но и политика их представляется в сущности одинаковой: они явились продолжателями дела Александра Македонского, по отношению к городам действовали в его духе (стр. 102), все они проводили политику насаждения полисов (стр. 97). В данном случае важно было бы сделать акцент не столько на сходстве, сколько на различиях. Автор слишком подчеркивает сходство между ними и Александром и не отмечает различий среди самих диадокхов: политика по отношению к городам была у Кассандра или Лисимаха иная, чем у Полиперхонта или Деметрия Полиоркета.

Склонность автора к слишком общим положениям сказалась и в объяснении причины упадка царства Селевкидов. «Государство Селевкидов, читаем мы на стр. 133, перестало, таким образом, выполнять свои функции в интересах господствующего класса, оно превратилось в частное, личное дело представителей династии и их конкурентов и поэтому неизбежно должно было распасться внутри». Далее излагается история Иудеи. Однако это изложение (стр. 134—139), данное в сущности в отрыве от сложной, запутанной, но чрезвычайно важной и интересной истории отношений во всем восточном Средиземноморье во второй половине II — начале I в., мало помогает читателю разобраться в конкретных условиях падения царства Селевкидов. Взаимоотношения отдельных областей, положение главных городских центров, их стремление к независимости, ожесточенная борьба в них партий, вмешательство Египта, Парфии или Рима, влияние военных элементов, напор арабских племен, роль торговли и пиратства и пр., — вот то, из чего составляется историческая картина Сирии этого времени, а этой картины мы не находим в рассматриваемой работе.

«Рост производительных сил, развитие рабовладельческих отношений, хотя и в специфических египетских формах, сопровождалось, как мы видели, жесточайшим угнетением трудящихся» (стр. 210). Но этим специфическим египетским формам посвящен только небольшой абзац на стр. 206, а остальное является лишь формулировкой самого общего характера. Автор видит в эллинизме, как и позднее в Риме, главным образом процесс нивелирования, сглаживания различий, преодоления обособленности (стр. 26, 31, 232), хотя и не заверченный, но только намечавшийся. Этот взгляд, чересчур последовательно проводимый, приводит к спорным утверждениям. «Даже в области культуры, — пишет А. Б. Ранович (стр. 31), — где эллинизм означал коренной поворот, дело не было доведено до конца; не были поглощены восточные культуры, не была забыта эллинская культура классического периода». Но, во-первых, этого не произошло и в римскую эпоху, когда процесс уравнивания доходит до крайних пределов¹, а во-вторых, у читателя естественно возникает вопрос: неужели поглощение восточных культур и забвение эллинской классической культуры означало бы «решающий успех» эллинизма? Нам думается, что нельзя характерные черты поздней Римской империи, отмеченные Энгельсом, переносить на всю эпоху эллинизма, нельзя сложное историческое развитие рассматривать преимущественно как процесс нивелирования и, таким образом, обеднять историческое содержание целой эпохи в развитии человечества.

Рассмотрим теперь, какое содержание, помимо указанной черты (тенденции «нивелирования»), вкладывается в понятие «нового этапа». Во всех обзорах экономической истории эллинизма (Глотц, Кэри) обычно выдвигается преимущественно факт развития торговли. В частности, Ростовцев объясняет кризис Греции в IV в. сужением внешних рынков вследствие роста местного производства. Но один этот момент не может объяснить характер экономики нового периода; это может сделать только изучение особенностей производства. Что же указывает автор рецензируемой книги в этом отношении? Каковы изменения в области социально-экономических отношений в период эллинизма? Главными из них являются следующие: расширение области применения рабского труда, ограничение общинного уклада, втягивание

¹ А. Б. Ранович, Восточные провинции Римской империи, стр. 16 сл., 254 и пр.

отдельных отсталых районов в более или менее единую систему хозяйства, расширение связей, развитие товарности и денежного хозяйства. Нельзя не отметить, что и в концепции А. Б. Рановича развитию торговых связей придается особенно большое значение. Выяснив ограниченность развития в рабовладельческом обществе (стр. 18), консервативность его технического базиса, автор продолжает: «Указанные особенности рабовладельческого способа производства неизбежно должны были привести в древней Греции к т о р г о в о м у к р и з и с у» (здесь и далее разрядка моя. — К. З.), к относительному и абсолютному сужению рынков. Распространение полисов влекло за собой и иные хозяйственные отношения; «т о в а р н о с т ь н а ч и н а е т п о я в л я т ь с я т а м, где раньше натуральной хозяйствование господствовало безраздельно» (стр. 27). «Социально-экономические достижения бросаются в глаза прежде всего в области т о р г о в л и» (там же). «Потребности т о р г о в о г о о б о р о т а составляли основу завоеваний Александра» (стр. 79) и т. д. Автор упоминает о росте местного производства (стр. 19), но недостаточно останавливается на этом важном явлении в области новой экономики; в другом месте (стр. 337—8) он замечает, что рост торговли «лишь в редких случаях сопровождается развитием промышленности...». О своеобразных формах эллинистического рабства говорится лишь бегло.

С другой стороны, анализ социальных отношений нередко дается, опять-таки в слишком общих формулах вроде следующей: «Разделение населения — с одной стороны, на рабов, *ὑποτακτοὶ, ἐπιτεταγμένοι ταῖς προσόδοις* («привязанные к государственным доходам»), и царских земледельцев, с другой — на крупных рабовладельцев и землевладельцев, торговцев и откупщиков, жрецов и чиновников — свидетельствует о классовом антагонизме, определяющем структуру и селевкидского и птолемеевского общества» (стр. 240).

Автор уделяет большое внимание вопросу о земельных отношениях в Египте и правильно указывает, что «Птолеми восприняли и использовали тот характер земельных отношений, какой они застали в Египте» (стр. 193), однако рассматривает эти отношения и формы землевладения статически, а не в их развитии. Между тем положение участков различных категорий с течением времени менялось¹; отношения не оставались неподвижными. Большой интерес представляет характеристика положения *γεωργοὶ βασιλικοί*. «Формально, — говорится на стр. 195, — царские земледельцы были арендаторами». Они не были прикреплены к земле. В Египте сохранялись остатки общинной организации, но эта организация потеряла свое значение (стр. 197). А. Б. Ранович рисует картину разложения общины, которому способствовали своей политикой Птолеми, но эта община, по его мнению, расслаивалась и изнутри. Однако это расслоение иллюстрируется данными (стр. 199), относящимися, с одной стороны, действительно к крестьянам (*γεωργοὶ βασιλικοί* в собственном смысле слова), а с другой — к клерухам, которые представляли собою совершенно особый слой населения комы и владения которых не могут в этом отношении служить подтверждением тезиса о расслоении. Не оспаривая этого тезиса, мы хотели бы только указать на необходимость анализа земельных отношений в Египте с учетом всей сложности состава его сельского населения: автор говорит о различных разрядах клерухов (стр. 193), упоминает *γῆ ἱερὰ*, но остается неясной общая картина отношений в деревне и роль, которую играла в социальной борьбе та или иная группа населения.

Недостаточность социального анализа сказывается и в вопросе о значении армии. Остановлюсь для примера на армии Александра. Обычным в буржуазной историографии является представление о македонской армии, как о каком-то однородном целом. Оппозицию в этой армии объясняют большей частью тем, что Македония представляла собою «национальное» государство и что македоняне были недовольны восточными новшествами Александра. В этом вопросе мы не находим в труде А. Б. Рановича полной ясности. Он указывает, что македоняне несколько не были заинтересованы в *κοινωνία* (соучастии во власти македонян и персов — стр. 73), что войско «оставалось м а к е д о н с к и м (разрядка автора. — К. З.), и это обстоятельство вызвало, как

¹ Автор говорит об эволюции только по отношению к земле клерухов (стр. 224).

мы видели, серьезный конфликт между ним и Александром...» (стр. 81). Но противопоставлять «македонское войско» и Александра — невозможно. Это противопоставление идет в сущности от античных авторов, как идеализировавших Александра, так и враждебно относившихся к нему. Объяснения оппозиции и заговоров в македонской армии можно искать только путем анализа социального состава этой армии.

Сображения автора относительно политики Александра интересны, но приводят к некоторой идеализации последнего. Нельзя согласиться, например, с утверждением, «что за д а ч а (разрядка автора.— К. З.) завоевания Востока была поставлена в порядок дня и разрешена Александром» (стр. 23). Эта задача была поставлена всем ходом развития Греции и Македонии в IV в.; об этом свидетельствуют призывы Исократа, проекты Ксенофонта и пр. Также преувеличением представляется суждение, что «завоевания Александра означали такой переворот во взаимоотношениях между победителями и побежденными, какого мир до того не знал» (стр. 51).

Не вполне отчетливо рисуется участие Эллады и Востока в эллинизме. Эллинизм был исторически необходимым результатом всего предшествующего развития античной Г р е ц и и (разрядка моя.— К. З.) с ее специфическими закономерностями рабовладельческого строя жизни» (стр. 16). Эллинизм возник «в результате кризиса греческого (и восточного) рабовладельческого общества», пишет автор в другом месте (стр. 29), но эта мысль далее не развивается. В вопросе о генезисе эллинизма автор больше показывает, что получил Восток (стр. 338), чем то, что он дал эллинизму.

Между тем восточные формы производственных отношений оказали большое влияние на жизнь общества и во многом сохранились и в эллинистический период.

Вначале мы признали право автора на критику с точки зрения того, что есть в его работе, а не того, чего в ней нет. Однако нельзя не затронуть и вопросов, на которых автор не останавливается, если они имеют принципиальное значение. «Эллинистический мир был поглощен Римом, за исключением его восточной периферии, которая нашла силы отстоять свою независимость и, усвоив многое из эллинистической культуры, строить свою дальнейшую социально-экономическую жизнь самостоятельно» (стр. 32). Казалось бы, это замечание требовало дальнейшего развития, выяснения условий, которые позволили «отстоять свою независимость». Но в книге мы ничего не находим ни о Греко-бактрийском царстве, ни о парфиях, ни о Северном Причерноморье. Вообще история эллинистических стран рассматривается несколько изолированно: это скорее история отдельных государств (Египта, царства Селевкидов, Македонии и пр.), чем история эллинистического мира. Полибий, нам кажется, был более прав, чем автор рецензируемой книги, когда писал о том, что история отдельных стран переплетается с конца III в. до н. э., тогда как А. Б. Рапович утверждает, что «единство эллинистического мира как раз прекращается к моменту начала римского господства» (стр. 118). Могли заглухнуть идеи единства, которые руководили политикой Александра и ближайших его преемников, но само единство — связи в области экономики, политики и культуры — продолжали существовать и даже развиваться не только в период подъема, но и в период упадка эллинизма. Вот почему так желательны были бы обзоры международного положения в эллинистическом мире и в особенности взаимоотношений Эллады и стран Востока.

Автор ищет объяснения генезиса эллинизма в основных противоречиях рабовладельческого строя древней Греции. Эллада переживала с конца V в. глубокий кризис, и разрешением этого кризиса могло быть лишь «создание, путем завоевания, более обширного экономического единства, дающего возможность воспроизвести старый процесс развития на более высокой ступени». Однако многие вопросы остаются только намеченными, в частности, и проблемы войн и наемничества. Односторонне было бы считать, что наемничество — лишь результат пауперизации населения (стр. 21) или что идея реванша являлась выраженным стремлением греческого рабовладельческого общества к единству (стр. 23). Для того чтобы показать правильность тезиса Энгельса, который автор положил в основу своего изложения (стр. 23—24), следует изучить конкретную обстановку: развитие Македонии, социальные отношения в греческих государствах, отрыв гражданина от полиса и многое другое.

Выше уже было сказано, какой большой и интересный материал содержит глава о культуре, но именно эта область представляется особенно сложной для изучения, и понятно, что здесь мы встречаем много спорного. Автор убедительно рисует связь между кризисом полиса и возникновением монархий нового типа и изменением характера и жанров литературы (стр. 288 сл.) и изобразительного искусства, хотя при этом почему-то совершенно пропущена живопись. Что касается философии, то ее характеристика слишком суммарна. В эллинистический период происходят крупные перемены в самом базисе рабовладельческого строя, т. е. меняется в некоторых отношениях экономический строй эллинистических государств, и эти перемены не могли не отразиться и в области политики и идеологии. Вырабатываются новые понятия, а прежние нередко получают иное значение. Это обстоятельство постоянно приходится учитывать, так как «...сфера действия надстройки узка и ограничена»¹, она связана всегда со специфическими конкретными условиями. Поэтому, нам кажется, совершенно недостаточно рассматривать учение стоиков или киников «вообще», в связи с характеристикой эллинистической эпохи в целом, как это сделано в соответствующей главе книги А. Б. Рановича. Такая общая характеристика необходима, но одной ее мало. Важно присмотреться к своеобразным особенностям философских направлений, а главное к тому, какова была их «активная сила», что и как они обслуживали в процессе развития греческого общества этого времени: и стоики и киники занимали различные политические позиции, и в этом отношении нельзя не проводить известной грани между, например, Персеем, другом македонского царя Антигона Гоната, и Сфером из Борисфена, вдохновлявшим и поддерживавшим спартанских царей-реформаторов, Агиса и Клеомена. Точно так же, если с киниками обычно соединяются представления о Диогене с его бочкой, о нищенствующих философах, о кинической диатрибе, обращенной к простому люду, то нечто иное представлял собою, например, Керкид, отрывки из произведений которого, найденные на папирусе, были опубликованы в 1911 г.: перед нами не нищий проповедник, но государственный деятель, стратег, поэт, не представитель аполитизма, а умеренный реформатор, противник радикальной программы Клеомена, посредник между Аратом и Антигоном Досоном. Подходя с этой точки зрения, можно было бы проследить «активную силу» идеологии, которая «активно содействует своему базису оформиться и укрепиться». Философия Сфера и, в частности, его идеи о Ликурговом строе оправдывали мероприятия Клеомена, вызванные условиями изменившегося экономического строя Спарты и имевшие целью дальнейшие крупные перемены. Все это еще раз указывает на необходимость учитывать «специфические особенности» общественных явлений; представители одной школы стремились иногда обосновать различные практические программы, в их построениях мы находим выражение различных стремлений. Заметим, кстати, что в характеристике стоиков необходимо было затронуть учение о смешении форм государственного устройства, играющее такую огромную роль в последующей политической философии.

В главе о культуре А. Б. Ранович особенно выдвигает сильно подчеркнутую идею эллинизма как времени упадка рабовладельческого общества. Хотя автор и говорит, что «образование эллинистических монархий означало не только упадок старого уклада жизни, но и возникновение нового» (стр. 291), однако второй момент отходит на задний план. В дальнейшем изложении мы читаем: «Философия стоиков типична для периода упадка древнегреческого общества...» (стр. 314). «Одним из выражений упадка античной философии был скептицизм, или пирронизм...» (стр. 315). «В греческой философии эллинистического периода сказалось разложение классического типа рабовладельческого общества...» (стр. 317). «Эллинистическая культура отразила этот кризис (кризис рабовладельческого общества.— К. З.) и сама содействовала дальнейшему разложению рабовладельческой общественно-экономической формации...» (стр. 342). Такой взгляд на культуру эллинизма представляется нам односторонним, в

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 11.

особенности если вспомнить огромные успехи в области науки, о которых автор говорит очень скупо.

Книга заканчивалась уже во время тяжелой болезни А. Б. Рановича, не могла быть им вполне обработана, и поэтому понятно, что в ней встречаются лакуны и некоторые неясности. Следовало указать, что покровительство Селевка Деметрию было очень непродолжительно (стр. 93). Неточно указание, что в битве при Рафии египтяне впервые участвовали в войске (стр. 121, по ср. стр. 174). Из изложения на стр. 188 сл. не видно, что александрийские граждане составляли лишь часть эллинского населения Александрии. Остался вовсе неиспользованным важнейший источник по экономической истории IV в. «Псевдоаристотелевская экономика» и пр. Все сделанные замечания не должны заслонить основных и больших достоинств книги А. Б. Рановича. Эта книга в большой мере подводит итог тому, что сделано по истории эллинизма (по крайней мере, для известной части этой истории) и, с другой стороны, она должна быть началом новых исследований, которые позволят еще глубже проникнуть в сущность изучаемых проблем и притти к их более убедительному решению. В этом отношении самые пробелы и недостатки рецензируемого труда окажут помощь науке, указывая на те трудности, которые встречаются на пути исследователя. Читатель не вправе ставить в упрек автору недостатки или неполноту изложения, так как ясно, что одному человеку не под силу преодолеть эти трудности, но он будет глубоко благодарен автору за то, что тот дал в своей интересной работе «нашей науке, нашему народу».

К. К. Зельин

А. П. ОКЛАДНИКОВ, Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. История Якутии, т. I. Под ред. чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушина, Якутск, 1949, тираж 8000 экз., цена 15 руб.

Перед нами первый том большого капитального издания по истории Якутии. Работа в целом намечена как коллективная, но первый том написан целиком проф. А. П. Окладниковым. Якутоведческая литература в нашей стране довольно велика и солидна. История и этнография якутского народа изучены неплохо. Большая заслуга здесь принадлежит дореволюционным исследователям Якутии, особенно из бывших политических ссыльных. В советское время широкие экспедиционные исследования, ряд солидных монографий и публикаций материалов, а также работы молодых исследователей из среды самого якутского народа чрезвычайно обогатили данную область знания.

Однако древнейшее прошлое Якутского края и древнейшие судьбы якутского народа до самых последних лет оставались еще весьма слабо освещенными. Это белое пятно в якутской истории начало быстро заполняться только с развертыванием работ Ленской археологической экспедиции, возглавлявшейся автором рецензируемой книги А. П. Окладниковым. Работы эти проводились в 1940—1947 гг., и материалы их публиковались А. П. Окладниковым в специальных статьях и сообщениях. В настоящем издании эти материалы изложены полно и систематически, они-то и легли, по существу, в основу построения всего тома, посвященного раннему периоду истории Якутии и якутского народа — до присоединения края к Русскому государству.

Рецензируемый том производит прекрасное впечатление во всех отношениях. Солидность научного материала сочетается в нем с весьма удачной формой изложения — ясного и популярного, без малейшего упрощенчества. Первым несомненным достоинством книги является ее насыщенность конкретным фактическим материалом, который почти не оставляет места для абстрактно-социологической схематизации, столь нередкого гостя, к сожалению, во многих исторических трудах, посвященных далекому прошлому. Автор проявил здесь свою блестящую эрудицию во всем, что касается

памятников древней истории Якутии. Археологический материал в умелых руках А. П. Окладникова прекрасно сочетается с материалом этнографическим, фольклорным, частью и с языковым; автор весьма солидно эрудирован и в этих областях якутоведения.

Чрезвычайно важно, что изложение конкретного материала по якутской истории А. П. Окладников ведет на очень широком историческом фоне. Казалось бы, что для таких отдаленных эпох, как палеолит, даже неолит, трудно обнаружить прямые культурные связи населения Ленского края с обитателями других областей нашей страны: слишком удален географически этот край от основных культурных очагов Сибири и тем более Центральной Азии и Восточной Европы, и трудно предполагать наличие развитых средств сношений в ту эпоху. Однако автор успешно связал историю даже палеолитических племен бассейна Лены с культурной историей других областей Советской страны — вплоть до бассейнов Волги и Днепра. На основании фактического материала он приходит к важному выводу, что «древнейшие племена, проникшие к востоку от Урала в конце ледникового периода, сначала жили одинаковой жизнью с племенами Запада, не утрачивали связи с ними и обладали общим в основе культурным достоянием». Лишь через многие тысячелетия «немногочисленные, широко рассеянные на колоссальных пространствах Сибири... племена эти утратили непосредственную связь с населением западных стран. Обособленные от них на протяжении многих веков и даже тысячелетий, сибирские племена стали жить своей особенной жизнью, создали новую, во многих отношениях отличную от старой культуру» (стр. 52). Что же касается неолитической эпохи, то А. П. Окладников посвящает целую главу «связям неолитических культур Якутии с Западом и Востоком» (стр. 114—124). Это же он делает и для эпохи бронзы (стр. 165—177).

Но, прослеживая исторические связи, приводя многочисленные параллели излагаемым явлениям из других частей нашей Родины и даже за ее пределами, автор в то же время ни на минуту не забывает о конкретной специфичности исторического развития народов Якутии. Свообразие и самобытность истории культуры этой страны отмечаются автором даже в тех явлениях, где особенно принято говорить о «заимствованиях», «вливаниях» и т. п. Это касается, например, бронзовой культуры, существование которой на территории Якутии не было прежде известно и было открыто как раз экспедицией А. П. Окладникова; хотя связи этой культуры с параллельными культурами юга Сибири и несомненны, однако автор отмечает «оригинальный характер и местное происхождение» целого ряда элементов материальной и духовной культуры этой эпохи, включая даже некоторые детали самой техники металлических изделий (стр. 165). Что касается металлургии железа, то отвергается еще недавно господствовавшее мнение об очень позднем внесении ее на Лену какими-то завоевателями (стр. 180). Фактический материал, собранный и обработанный А. П. Окладниковым, показывает, что в верхнеленской, прибайкальской тайге железная техника «появляется не позже или лишь немногим позже, чем в соседних степях» (стр. 187), а оттуда она проникла и вниз по течению Лены, в Якутию (стр. 180).

Одной из наиболее интересных и ценных частей разбираемой книги являются разделы пятый и шестой — главы, посвященные вопросу о происхождении якутского народа. Об этой проблеме писалось, как известно, много; не раз касался ее в своих прежних работах и сам А. П. Окладников. Но едва ли где удавалось и ему самому так верно и ясно изложить этот чрезвычайно трудный и запутанный, несмотря на его кажущуюся простоту, вопрос, как это сделано им здесь.

Автор очень хорошо показывает сложность состава и происхождения якутской народности и якутской культуры. Наличие в ней «южных» компонентов, связываемых со скотоводческими культурами Южной Сибири, признавалось всеми и раньше. Но А. П. Окладников вполне правильно подчеркивает крупную роль «местных коренных элементов в составе самого якутского народа и его культуры»; он использует при этом и свои собственные материалы и результаты работ других советских исследователей. Этим до недавнего времени мало кем замечавшимся «северным элементом в культуре якутов» он посвящает особую главу (стр. 218—230). Что же это за элементы? По вер-